

**VII ЯЛТИНСКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ. «ГУМАНИТАРНЫЙ ДИСКУРС В
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЕ»**

Скуридин О.А.

научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический»,
аспирант кафедры культурологии Таврической академии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
oleg772015@mail.ru

Масаев М.В.

доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Таврической академии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
академик Крымской Академии наук
mikhail-masaev@yandex.ru

**О ФОРМАХ РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКИ СООРУЖЕНИЯ ВОИНСКИХ
ПАМЯТНИКОВ В ЭЛЛИНСКОЙ АНТИЧНОСТИ И ФОРМИРОВАНИИ
ГУМАНИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ**

Аннотация: настоящее исследование посвящено изучению основных аспектов, связанных с формами реализации культурной практики сооружения воинских памятников периода эллинской античности. При этом акцент делается на контексте формирования гуманистического мировоззрения. Работа охватывает довольно широкий пласт междисциплинарных исследований, связанных с вопросами истории, лингвистики, философии, культурологии, военно-патриотической работы. Эти междисциплинарные связи реализуются в контексте весьма актуальных вопросов культурологического дискурса. В частности, из некоторых моментов этимологического анализа следует, что в эллинской античности имелись различные формы реализации культурной практики сооружения воинских памятников. Достаточно очевидно, что при условии понимания того, что положительный опыт общественной жизни накапливается и передается от поколения к поколению, надо искать источник культурной практики сооружения современных воинских памятников в том числе и в эллинской античности. Именно по этой причине всестороннее изучение эллинских воинских памятников имеет актуальность в контексте исследования механизма культурной преемственности и в наше время довольно динамичных трансформационных процессов.

Ключевые слова: воинские памятники, культурная практика, формы реализации, эллинская античность, гуманистическое мировоззрение

Какой тут дышит мир! Какая славы тризна
Средь кипарисов, мирт и каменных гробов!
Рукою набожной сложила здесь отчизна
Священный прах своих сынов

А.А. Фет, «Севастопольское братское кладбище»

Введение. Формирование гуманистического мировоззрения человека и гражданина всегда было одной из приоритетных задач для человеческого общества во все времена. В данном контексте особенно показательно изучение данного феномена на примере воинских памятников.

Поставленная в заголовке проблема приобретает особую актуальность и значимость в контексте последних событий в системе педагогики высшего образования, когда во многих вузах наблюдается весьма опасная (и не только по мнению немногих узких специалистов)

тенденция сокращения часов на предметы гуманитарного цикла или же вовсе исключения многих подобных предметов из учебных планов многих специальностей.

Почему же тенденция «урезания» предметов именно гуманитарного цикла является опасной для перспектив формирования именно гуманного человека, а для социума – соответственно гуманистического мировоззрения, направленного на соответствующее мироощущение, мировосприятие и миропонимание с точки зрения реальной гуманности, а не её подмены многими красивыми лозунгами, оказывающимися на деле в лучшем случае бесполезными, а в худшем – даже вредными?

«В настоящее время понятия «гуманизация» и «гуманитаризация» применительно к высшему образованию приобрели совершенно новое значение. Новый век – это век технократии. Сегодня технократизм занял доминирующее положение в системе высшего образования. Гуманитарные знания и в целом гуманизация отошли на второй план. Государственный стандарт образования нового поколения выделяет гуманитарным предметам необоснованно мизерное количество часов. Вместе с тем гуманизация и гуманитаризация высшего образования формируют специалиста с «новым человеческим лицом», уважающего и с достоинством относящегося к достижениям мировой цивилизации. Гуманизация и гуманитаризация образования обогащают молодого специалиста общечеловеческими духовными ценностями. Не хлебом единым, как говорится, жив человек. Без гуманитарных знаний получается неполноценный специалист, узкий, сухой технар», – полагает Юрий Дмитриевич Петров¹. Это мнение современного российского учёного было высказано в 2016 году. Однако данная цепь суждений не такое уж и новое явление в повседневной науке и практике. Целесообразно в данном отношении привести следующий пример. В частности, ещё в 2005 г. тогда ещё формально украинский профессор Александр Петрович Цветков (до воссоединения Крыма с Россией тогда оставалось почти 10 лет), а ныне – профессор российского Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского высказал свои опасения насчёт тенденции сокращения часов предметов именно гуманитарного цикла дисциплин. Работа имела весьма показательное название – «Можно ли пройти по лезвию бритвы гуманитарных технологий?»². Через год у профессора А.П. Цветкова выходит работа с подобной направленностью, но с менее ярким названием³, что, впрочем, не меняет суть авторской позиции, высказанной уже в те годы. Интересен в данном контексте именно факт предвидения сходного круга проблем. Впрочем, если сделать анализ других исследований подобной направленности – возможно, мы найдём гораздо более ранние прецеденты обращения к подобным проблемам, имевшим место в науке и ранее – пресловутый спор «физиков» и «лириков» всегда будет напоминать о себе с более или менее сильной степенью интенсивности.

Не вызывает сомнения тот факт, что современные воинские памятники являются местами ратной славы, символами мужества, примером для подрастающего поколения. Но их прообразы,

¹ Петров Ю.Д. Гуманизация и гуманитаризация высшего образования: теория и практика// Вестник Северо-Восточного Федерального университета им. М.К. Амосова. Серия: история, политология, право, 2016. № 2(02). С. 17–24.

² Цветков А.П. Можно ли пройти по лезвию бритвы гуманитарных технологий?// Актуальные проблемы философии. Общество, политика, культура, 2005. Вып. 2. С. 28–32.

³ Цветков А.П. Гуманитарные технологии как проблема социальной философии// Вестник СевГТУ. Сер.: «Философия», 2006. Вып. 78. С. 64–69.

в частности, можно найти в исторической ретроспективе, а именно – в эллинских памятниках, сооруженных в честь подвигов при защите свободы и независимости родины на поле боя.

Поэтому изучение эллинских воинских памятников имеет актуальность в контексте исследования механизма культурной преемственности.

Предметом данной работы является культурная практика сооружения воинских памятников в эллинской античности.

Целью исследования является выделение основных форм реализации этой культурной практики.

В нем реализуются междисциплинарные связи: в контексте культурологического дискурса используются достижения классической филологии, истории и археологии.

При построении работы используется этимологический анализ, сравнительно-исторический метод и метод типологии. Инновационным моментом работы является также использование элементов концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов, так как любой масштабный воинский памятник может рефлексивно презентовать парадигму эпохи, выполняя не просто репрезентационную, но и символическую функцию.

Культурная практика сооружения воинских памятников зародилась на заре эллинской античности и окончательно оформилась в период возникновения зрелости и упадка полиса (VII в. до н. э. – V в. н. э.).

Основы понимания термина «воинский памятник или монумент» надо искать в этимологии этого понятия в древнегреческом языке¹.

«Воинский памятник» мог быть обелиском в честь победы и надгробным памятником на братской или индивидуальной могиле павших на поле битвы.

Для обозначения сооружения на месте победоносной битвы в древнегреческом языке использовалось слово «τρόπαιον»².

Указанное древнегреческое слово послужило основой латинского «tropaeum»³.

Для обозначения статуи-памятника употреблялось слово «ἄγαλμα», которое имело такие значения: «1) украшение; 2) краса, слава, гордость; 3) жертвенный дар, приношение; 4) изваяние, статуя; 5) изображение, картина»⁴.

В современные европейские языки это слово пришло через латинское «statua», которое имеет значения «1) статуя; 2) колонна», например, немецкое «Statue», английское «statue», русское «статуя».

Поэтому статуя-памятник, воздвигнутый в честь победоносного полководца-стратега или воина, также должно быть включено в понятие «воинский памятник».

В латинском языке слову «памятник» соответствует слово «monumentum»⁵.

Из латинского языка указанное слово, с незначительными изменениями пополнило словарный запас европейских языков, например: итальянское «monumento», испанское «monumento», английское «monument».

¹ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 томах. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. Том 1. - 1049 с.

² Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 томах. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. Том 2. - 1904 с.

³ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Русский язык. 1976. - 1096 с.

⁴ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 томах. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. Том 1. - 1049 с.

⁵ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Русский язык. 1976. - 1096 с.

В русском языке слово «монумент» означает «крупный памятник, сооружение в память выдающегося события или лица»¹.

Приведенные выше древнегреческие слова репрезентируют различные оттенки понятия «воинский памятник».

Из приведенного этимологического анализа следует, что в эллинской античности имелись различные формы реализации культурной практики сооружения воинских памятников.

Основными формами сооружений, которые мы с полным правом можем отнести к понятию «воинский памятник», являются:

1. Захоронения павших на поле боя: могилы, братские могилы (в том числе символические могилы – кенотафы) и индивидуальные могилы умерших воинов и полководцев.

Могильные сооружения являлись символом высочайшего мужества павших во время защиты отчества, оцененного как подвиг. Могильные памятники павших на войне со времени возникновения полиса становятся особо значимыми для граждан. Например, Сократ в одном из диалогов Платона, говорит по этому поводу: «...мне кажется прекрасный удел – пасть на войне»².

Земля, политая кровью граждан, считалась в античности особо ценной для живых. Поэтому, братские могилы служили весомым аргументом по вопросу о праве обладания спорными территориями³.

Павшие за общеэллинскую свободу удостоивались особых почестей со стороны не только сограждан, но и всех греков. Братские могилы воинов-граждан, могилы стратегов, погибших за общеэллинскую свободу, при этом удостоивались особого почета. Например, даже во П.в.н.э. братские могилы на Марафонском поле почитались с благоговейным трепетом, путешественник Павсаний об этом пишет так: «Марафоняне почитают тех, кто пал в этой битве, называя их героями».

Почтением пользовались также индивидуальные могилы воинов, сражавшихся за независимость всей Эллады. Выдающиеся представители поколения, участвовавшего в Греко-персидских войнах, понимали громадное значение этих событий. Не случайно драматург Эсхил счел необходимым зафиксировать в своей эпитафии факт участия в Марафонской битве. Его могила воспринималась в качестве символа мужества и исполненного долга по отношению к родному полису, а также всей Элладе, как надполисной общности.

Символом захоронения воина, а также юноши, который готовится стать воином, могло стать изображение на надгробии. Например, изображение оружия на надгробии эллинистического Херсонеса Таврического⁴, а также изображение сражающихся воинов на одном из надгробий афинского некрополя⁵.

Интерес также представляют символические могилы (кенотафы), которые были довольно распространенным явлением в эллинском мире.

¹ Краткий словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина и проф. Ф.Н. Петрова. – 5-е изд. перераб. и доп. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1950. - 454 с.

² Платон. Диалоги / пер. с древнегреч.; сост., ред. и авт. вступит. статьи А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1986. - 607 с.

³ Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 томах / пер. с древнегреч. С.П. Маркиш, С.И. Соболевский. – М.: Издательство академии наук СССР, 1961. Т. 1. - 504 с.

⁴ Шевченко Т.М. Релігійний світогляд населення античного Херсонеса. – К.: Інститут археології Національної академії наук України, 2011. - 512 с.

⁵ Павсаний. Описание Эллады: в 2 томах / пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева под ред. Е.В. Никитюк. – М.: ООО «Издательство АСТ»: Ладомир, 2002. Том 1. Кн. I–VI. - 492 с.

Таким образом, могильные сооружения: индивидуальные могилы, братские могилы воинов, – являются **символами** высочайшего мужества (воинского подвига), исполненного воинского долга по отношению к родному полису, всей Эллады.

2. Места великих битв, сооружения на местах великих битв, исторические картины, изображавшие битвы античности.

Места великих битв символизируют судьбоносные моменты в жизни полисов, всей эллинской ойкумены. Они описаны в произведениях античных авторов, являлись частью обрядов и ритуалов как символы победы или трагедии поражения.

Картины на исторические сюжеты изображают великие битвы (места памяти), например, изображение Марафонского боя на Пестром портике в Афинах¹. Это описание ценно тем, что изображает как коллективный подвиг граждан-воинов, так и индивидуальный подвиг полководцев.

У эллинов было принято создавать сооружения из победных трофеев на месте битв. Первоначально это были памятники, сооруженные из оружия побежденных. Например, трофей в честь победы сиракузян над афинянами (413 г. до н.э.)². Трофеи также представляли собой сооружения из мрамора. Известно, что на Марафонском поле стоял трофей из белого мрамора³. Особое место занимали трофеи, установленные на поле битв в войне за независимость всей Эллады. Трофеи являлись, прежде всего, символами коллективного мужества всего полиса, объектом гордости победителей и их потомков. Особое место занимали трофеи на месте великих битв периода Греко-персидских войн, значимые для всех эллинов. Таковы трофеи, воздвигнутые спартанцами и афинянами после битвы при Платеях (479 г. до н.э.).

В период классики и эллинизма трофеи начинают ассоциироваться с полководцем как его личное достижение. Известно, что афинский стратег Перикл воздвиг девять трофеев «в память побед, одержанных под его предводительством во славу отечества»⁴.

Учитывая вышеизложенное, места великих битв (места памяти), сооружения на местах великих битв, исторические картины, изображавшие битвы античности представляли собой воинские памятники, увековечивающие коллективный подвиг (период поздней архаики и классики) и индивидуальные заслуги полководца (поздняя классика, эллинизм, римский период).

3. Святилища, храмы, алтари и статуи богов, посвященные дары божеству в честь побед в бою.

Святилища, храмы, алтари и статуи богов в первую очередь являются объектами религиозного благочестия. Но сооружение последних в честь исторических событий превращало их в символы победы или окончания войны. Обратим внимание, что храмы, алтари и статуи богов являются символами коллективного подвига в сражении (победы на поле боя), символом победоносного окончания войны. Примером этого может служить храм Эниалия

¹ Павсаний. Описание Эллады: в 2 томах / пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева под ред. Е.В. Никитюк. – М.: ООО «Издательство АСТ»: Ладомир, 2002. Том 1. Кн. I–VI. - 492 с.

² Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 томах / пер. с древнегреч. М.Е. Грабарь-Пассек, С.П. Маркиш. – М.: Издательство академии наук СССР, 1963. Том 2. - 548 с.

³ Павсаний. Описание Эллады: в 2 томах / пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева под ред. Е.В. Никитюк. – М.: ООО «Издательство АСТ»: Ладомир, 2002. Том 1. Кн. I–VI. - 492 с.

⁴ Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 томах / пер. с древнегреч. С.П. Маркиш, С.И. Соболевский. – М.: Издательство академии наук СССР, 1961. Т. 1. - 504 с.

(Ареса) на Саламине (VI в. до н.э.), сооруженный в знак победы афинян над мегарцами¹. Здесь сакральный символ превращается в памятник.

Посвящения богам, имеющие непосредственную связь с теми событиями, в честь которых они были пожертвованы, также можно считать памятниками, символизирующими военную победу.

Последнее хорошо осознавалось в античности. Например, царь Павсаний хотел присвоить себе славу победителя в битве при Платеях (479 г. до н.э.) тем, что посвятил богу в Дельфы треножник, с соответствующей надписью, которую лакедемоняне велели выскоблить и написать «имена всех городов, воздвигнувших этот жертвенный дар после общей победы над Варваром»². Этот треножник с посвятительной надписью, безусловно, можно считать памятником в честь победы при Платеях. Доказательством этому является то, что ответ на вопрос о том, символом какого рода подвига: индивидуального (царя Павсания) или коллективного (всех эллинских городов) он является, привел к описанному конфликту, который был решен в пользу последнего.

На начало упадка полисного коллективизма в позднеклассический период указывает тот факт, что те же лакедемоняне посвятили богу в Дельфы статуи всех стратегов, участвовавших в победоносном сражении с афинянами при Эгоспотамах (405 г. до н.э.)³. Они являются статуями реальных исторических персонажей и могут считаться памятниками, воздвигнутыми в честь полководцев, символизируя их персональный вклад в победу.

Таким образом, посвятительные дары божеству могут иметь различные формы (предметы, статуи). Они являются памятниками в том случае, если представляют собой символ победоносной битвы, а также военного подвига: коллективного (поздняя архаика и зрелая классика) и индивидуального (поздняя классика, эллинизм, римский период). В этом случае сакральный символ превращается в памятник.

4. Статуи-памятники воинов и полководцев.

Статуи-памятники часто воспроизводили личные черты изображаемого человека, и прославляли индивидуальный подвиг на поле боя. Например, Плутарх пишет, что в Афинах было много статуй стратега Перикла (493 – 429 гг. до н.э.), которые, несомненно, восходили к его прижизненным статуям. Об этом говорит тот факт, что все они подражали образцам, созданным скульпторами, видевшими живого Перикла, которые стремились скрыть его единственный телесный недостаток – продолговатую голову, изображая стратега со шлемом⁴. Такое замечание Плутарха не случайно, этим подчеркнута, что статуя стратега Перикла стала символом личных военных заслуг этого полководца.

¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 томах/ пер. с древнегреч. С.П. Маркиш, С.И. Соболевский. – М.: Издательство академии наук СССР, 1961. Т. 1. - 504 с.

² Фукидид. История/ пер. с древнегреч. Г.А. Стратановский, А.А. Нейхард, Я.М. Боровский. - Ленинград: Наука. 1981. - 543 с.

³ Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 томах/ пер. с древнегреч. М.Е. Грабарь-Пассек, С.П. Маркиш. – М.: Издательство академии наук СССР, 1963. Том 2. - 548 с.

⁴ Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 томах/ пер. с древнегреч. С.П. Маркиш, С.И. Соболевский. – М.: Издательство академии наук СССР, 1961. Т. 1. - 504 с.

Изображение полководца-победителя на поле брани считалось наивысшей степенью общественного признания для грека-гражданина, сравнимого с победой в спортивных соревнованиях, символом личного мужества. Например, по словам Корнелия Непота, со времен афинского полководца Хабрия (IV в. до н.э.) скульпторы стали изображать воинов в том виде, в каком они одержали победу, запечатлевая момент их славы¹.

С другой стороны, появился идеал благородного военачальника и политика, действующего во благо своих граждан, а не ради почестей, в том числе и в форме статуи-памятников. Такой идеал создал Ксенофонт (около 440 – около 355 гг. до н.э.), изобразив лаконского царя Агесилая (около 442 – 358 гг. до н.э.), который запрещал ставить себе статуи, считая победы лучшими «памятниками» своей славы².

Таким образом, статуи-памятники воинов и полководцев прославляли персонифицированный подвиг воинов и стратегов.

Обобщим вышеизложенное в **выводах**:

При условии понимания того, что положительный опыт общественной жизни накапливается и передается от поколения к поколению, надо искать источник культурной практики сооружения современных воинских памятников в эллинской античности.

Об этом свидетельствует древнегреческая этимология слов, обозначающих понятия «воинский памятник или монумент».

Культурная практика сооружения воинских памятников зародилась на заре эллинской античности и окончательно оформилась в период возникновения зрелости и упадка полиса (VII в. до н.э. – V в. н.э.).

Основными формами реализации культурной практики сооружения воинских памятников, являются:

- захоронения павших на поле боя: могилы, братские могилы (в том числе символические могилы – кенотафы) и индивидуальные могилы умерших воинов и полководцев;
- места великих битв, сооружения на местах великих битв, исторические картины, изображавшие битвы античности;
- святилища, храмы, алтари и статуи богов, посвященные дары божеству, в честь побед в бою;
- статуи-памятники воинов и полководцев.

При этом в эпоху поздней архаики и классики (VII – IV вв. до н.э.) увековечивался преимущественно коллективный подвиг всей победившей общины, а в период эллинизма (IV – I вв. до н.э.) и римский период (I в. до н.э. – V в. н.э.) – намечается тенденция к персонификации подвига.

Эти формы реализации культурной практики сооружения воинских памятников дошли до нашего времени, они воплощены в современных воинских памятниках и мемориалах. Остаётся надеяться, что настоящее исследование будет полезным в деле не только сохранения воинских памятников с точки зрения культурной практики, но и формирования гражданина-патриота своего Отечества, исповедующего принципы гуманистического мировоззрения, поставленного

¹ Непот Корнелий. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / пер. с лат. и коммент. Н.Н. Трухиной. – М.: Издательство МГУ, 1992. - 208 с.

² Ксенофонт. Киропедия/ пер. с древнегреч. В.Г. Боруховича, Э.Д. Фролова. – М.: Наука, 1976. - 334 с.

под угрозу некоторыми глобальными практиками типа «трансгуманизма» и пр. Но эти обозначенные аспекты – перспектива для дальнейших исследований и плодотворных дискуссий в данном направлении.

Литература:

1. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 томах. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. Том 1. - 1049 с.
2. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 томах. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. Том 2. - 1904 с.
3. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Русский язык. 1976. - 1096 с.
4. Краткий словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина и проф. Ф.Н. Петрова. – 5-е изд. перераб. и доп. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1950. - 454 с.
5. Ксенофонт. Киропедия/ пер. с древнегреч. В.Г. Боруховича, Э.Д. Фролова. - М.: Наука, 1976. - 334 с.
6. Непот Корнелий. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / пер. с лат. и коммент. Н.Н. Трухиной. – М.: Издательство МГУ, 1992. - 208 с.
7. Павсаний. Описание Эллады: в 2 томах / пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева под ред. Е.В. Никитюк. – М.: ООО «Издательство АСТ»: Ладомир, 2002. Том 1. Кн. I–VI. - 492 с.
8. Платон. Диалоги / пер. с древнегреч.; сост., ред. и авт. вступит. статьи А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1986. - 607 с.
9. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 томах/ пер. с древнегреч. С.П. Маркиш, С.И. Соболевский. – М.: Издательство академии наук СССР, 1961. Т. 1. - 504 с.
10. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 томах/ пер. с древнегреч. М.Е. Грабарь-Пассек, С.П. Маркиш. – М.: Издательство академии наук СССР, 1963. Том 2. - 548 с.
11. Фукидид. История/ пер. с древнегреч. Г.А. Стратановский, А.А. Нейхард, Я.М. Боровский. - Ленинград: Наука, 1981. - 543 с.
12. Шевченко Т.М. Релігійний світогляд населення античного Херсонеса. – К.: Інститут археології Національної академії наук України, 2011. - 512 с.
13. Масаев М.В. Curriculum vitae парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций. Монография. – Симферополь: ДОЛЯ, 2011. – 512 с.
14. Масаев М.В. Парадигмальні образи і символи у трансформаційних процесах епох і цивілізацій (філософсько-історичний аналіз). Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня доктора філософських наук. – Дніпропетровськ, 2013. – 36 с.
15. Масаев М.В. Символический ресурс как наиболее ценное сокровище социальной памяти// Философские традиции и современность, – 2016. № 1 (9). С. 94–98.
16. Масаев М.В. Феномен соотношения научной парадигмы и интервального метода в контексте понятий парадигмального образа и символа в философии истории// Философские традиции и современность, 2013. № 1 (3). С. 23–41.
17. Петров Ю.Д. Гуманизация и гуманитаризация высшего образования: теория и практика // Вестник Северо-Восточного Федерального университета им. М.К. Амосова. Серия: история, политология, право, 2016. № 2(02). С. 17–24.
18. Цветков А.П. Можно ли пройти по лезвию бритвы гуманитарных технологий?// Актуальные проблемы философии. Общество, политика, культура, 2005. Вып. 2. С. 28–32.

19. Цветков А.П. Гуманитарные технологии как проблема социальной философии// Вестник СевГТУ. Сер.: «Философия», 2006. Вып. 78. С. 64–69.

References:

1. *Dvoreckij I.H.* Drevnegrechesko-russkij slovar'. V 2 tomah, tom 1 [Ancient Greek-Russian dictionary. In 2 volumes, volume 1]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej. 1958. Tom 1. 1049 p. (In Russian)
2. *Dvoreckij I.H.* Drevnegrechesko-russkij slovar'. V 2 tomah, tom 2. [Ancient Greek-Russian dictionary. In 2 volumes, volume 2]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej. 1958. Tom 2. 1904 p. (In Russian)
3. *Dvoreckij I.H.* Latinsko-russkij slovar' [Latin-Russian dictionary]. Moscow, Russkij jazyk. 1976. 1096 p. (In Russian)
4. Kratkij slovar' inostrannyh slov [Short Dictionary of Foreign Words]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1950. 454 p. (In Russian)
5. Xenophon. Kyropedia. Moscow, Nauka, 1976. 334 p. (In Russian)
6. Nepot Cornelius. O znamenityh inozemnyh polkovodcah. Iz knigi o rimskih istorikah [About the Famous Foreign Commanders. From a Book About Roman Historians]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. 1992. 208 p. (In Russian)
7. Pasanias. Opisanie Ellady. V 2 tomah, tom 1, knigi I–VI [Description of Hellas. In 2 volumes, volume 1]. Moscow, Ast Press Publishing House, 2002. 492 p. (In Russian)
8. Plato. Dialogues. Moscow, Mysl Publisher, 1986. 607 p. (In Russian)
9. Plutarch. Sravnitel'nye zhizneopisanija. V 3 tomah, tom 1 [Comparative Biographies In 3 volumes, volume 1]. Moscow: Publishing House of the Academy of Science of the USSR, 1961. 504 p. (In Russian)
10. Plutarch. Sravnitel'nye zhizneopisanija. V 3 tomah, tom 2 [Comparative Biographies In 3 volumes, volume 2]. Moscow: Publishing House of the Academy of Science of the USSR, 1963. Tom 2. 548 p. (In Russian)
11. Thucydides. History. Leningrad: Nauka. 1981. 543 p. (In Russian)
12. *Shevchenko T.M.* Religijnij svitogljad naseleennja antichnogo Hersonesa [Religious Worldview of the Population of Ancient Chersonesos]. Kiev: Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. 2011. 512 p. (In Russian)
13. *Masayev M.V.* Curriculum vitae paradigmal'nyh obrazov i simvolov jepoh i civilizacij [Curriculum vitae of Paradigm Images and Symbols of Epochs and Civilizations]. Simferopol: DOLJA, 2011. 512 p. (In Russian)
14. *Masayev M.V.* Paradigmал'ni obrazi i simvoli u transformacijnih procesah epoh i civilizacij (filosofs'ko-istorichnij analiz). Avtoreferat disertacii na zdobuttja naukovogo stupenja doktora filosofskih nauk [Paradigm images and symbols in the transformational processes of eras and civilizations (philosophical and historical analysis). Dr. Of Philosophy diss.]. Dnipropetrovsk. 2013. 36 p. (In Russian)
15. *Masayev M.V.* Simvolicheseskij resurs kak naibolee cennoe sokrovishhe social'noj pamjati [Symbolic Resource as the Most Valuable Treasure of Social Memory]. Philosophical traditions and modernity. 2016. No.1 (9). pp. 94–98. (In Russian)
16. *Masayev M.V.* Fenomen sootnoshenija nauchnoj paradigmy i interval'nogo metoda v kontekste ponjatij paradigmal'nogo obraza i simvola v filosofii istorii [The Phenomenon of the Relationship Between the Scientific Paradigm and the Interval Method in the Context of the Concepts of the Paradigm Image and Symbol in the Philosophy of History]. Philosophical traditions and modernity. 2013. no. 1 (3). pp. 23–41. (In Russian)

17. Petrov Ju.D. Gumanizacija i gumanitarizacija vysshego obrazovanija: teorija i praktika [Humanization and Humanization of Higher Education: Theory and Practice]. Bulletin of the North east Federal University Named After M. K. Amosov. Series: History, Political Science, Law. 2016. No. 2(02). pp. 17–24. (In Russian)
18. Cvetkov A.P. Možno li projti po lezviju britvy gumanitarnyh tehnologij? [Is it Possible to Walk Through the Razor Blade of Humanitarian Technology?]. Topical problems of philosophy. Society, politics, culture. 2005. no. 2. – pp. 28–32.
19. Cvetkov A.P. Gumanitarnye tehnologii kak problema social'noj filosofii [Humanitarian technology as a problem of social philosophy]. Bulletin of Sevastopol State Technical University. Series: Philosophy. 2006.no. 78.pp. 64–69. (In Russian)

ON THE FORMS OF IMPLEMENTATION OF THE CULTURAL PRACTICE OF CONSTRUCTING MILITARY MONUMENTS IN HELLENIC ANTIQUITY AND THE FORMATION OF A HUMANISTIC WORLDVIEW

Skuridin O.A.

PhD student, Sevastopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Researcher, The State Museum-preserve «Tauric Chersonese»

oleg772015@mail.ru

Masayev M.V.

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Full Professor of the Department of Cultural Studies, Academician of the Crimean Academy of Sciences

mikhail-masaev@yandex.ru

Abstract: *The present research is dedicated to the study of the main issues related to the form of implementation of the cultural practice of building military monuments of the Hellenic antiquity. At the same time, the emphasis is on the formation of a humanistic worldview. The work covers a fairly wide layer of interdisciplinary research related to issues of history, linguistics, philosophy, cultural studies, and military-patriotic work. These interdisciplinary connections are realized in the context of highly topical issues of cultural discourse. In particular, from some points of the etymological analysis it follows that in Hellenic antiquity there were various forms of implementing the cultural practice of building military monuments. It is quite obvious that given the understanding that the positive experience of social life is accumulated and passed on from generation to generation, it is necessary to look for a source of cultural practice in the construction of modern military monuments, including in Hellenic antiquity. Exactly because of this reason a comprehensive study of Hellenic military monuments is relevant in the context of the study of the mechanism of cultural continuity and in our time, rather dynamic transformation processes.*

Keywords: *military monuments, cultural practice, forms of implementation, Hellenic antiquity, humanistic worldview*

Для цитирования: Скуридин О.А., Масаев М.В. О формах реализации культурной практики сооружения воинских памятников в эллинской античности и формирования гуманистического мировоззрения// Архонт, 2020. № 6 (21). С. 34-43.